

Историческая психология

Шкуратов В.А.

Фазы парадигмы (эскиз психолого-исторической эпистемологии). Часть 1

Парадигма определена по контрасту с наррадигмой. Наррадигма есть превращение потенций творческой индивидуальности в набор культурных образцов текстуально-повествовательного плана, а парадигма, наоборот, - вытеснение «субъективности» из объективной картины реальности с помощью приборов и строгих научно-исследовательских процедур. Историческая длительность парадигмы разделена на отрезки, которые названы фазами парадигмы. Их пять: эвристическая, магическая, философская, научная и астрорегуляции. В первой части статьи описаны эвристическая и магическая фазы парадигмы.

Ключевые слова: парадигма, наррадигма, фазы парадигмы, эвристика, магии.

Нынешнее теоретическое оживление в отечественной психологии принесло радостную для гуманитарной учёности весть о том, что она, психологическая гуманитарность, существует и даже побеждает. Но сразу возникло и опасение, как бы маятник человекознания не сорвался в сторону паранауки [11]. Правда, действующие исследователи говорят, что слухи об увядании естественнонаучной парадигмы сильно преувеличены. В отношении мировой науки они верны с точностью до наоборот, в отношении отечественной закончатся, когда в лаборатории пойдёт дорогая исследовательская техника [1]. Но и гуманитарная парадигма в психологии, по словам её адептов, не обязательно есть оккультизм, а например, – культурная аналитика [4]. Впрочем, как бы ни мыслились взаимоотношение естествознания и гуманитарности в психологии, - то ли как срывание маятников и перетягивание канатов, то ли в духе бетховенского финала «Обнимитесь, миллионы!» - слово «парадигма» мелькает с безусловным автоматизмом. Должен признаться, что мне

указанный термин даётся не так легко, поэтому статья будет посвящена культурно-историческому структурированию парадигмы.

Попытку периодизировать психологическую науку по парадигмам предпринял К. Мадсен [12]. Датский учёный, выделяя структурную единицу для анализа истории психологии, во-первых, ограничился современным знанием, во-вторых, оставил нормативный концепт научности за скобками своего построения. В предлагаемой же статье речь пойдёт именно об историзме научности в контексте парадигмы. Причём, я исхожу из того, что парадигмальный процесс (легитимация знания в определённом ключе) шире собственно науки и включает в себя последнюю как свой исторический момент. Историческая длительность парадигмы разделена на отрезки, которые называются фазами парадигмы.

Коротко о том, откуда появился указанный замысел. С 1994г. я разрабатываю модель наррадигмы. Она предложена в противовес куновскому понятию парадигмы и в дополнение к нему. Определение наррадигмы дано вместе с описанием её фаз, которых пять: апокриф, канон, гуманизм, гуманитарность, человекознание [9]. Моей целью было показать, что цикл развития гуманитарных наук специфичен и отличается от цикла естественных наук, представленного Т.Куном [5]. Я предполагаю, что указанные циклы построены относительно человека и его мира по-разному: наррадигма есть превращение потенций творческой индивидуальности в набор культурных образцов текстуально-повествовательного плана, а парадигма, наоборот, есть вытеснение «субъективности» из объективной картины реальности с помощью приборов и строгих научно-исследовательских процедур.

Теперь мне придётся посягнуть на куновское построение и модифицировать его, дописав к нему фазы. Это преобразование будет проведено так, чтобы сопоставить два понятия в определённом ключе. Я не имею возможности, права и желания вторгаться в историю конкретных естественнонаучных знаний. Смысл сопоставления состоит в том, чтобы нащупать два психокультурных вектора знания - личностный (персональный) и внеличностный (аперсональный). Первый отмечает направление социокультурной консолидации целостного человеческого существа (Самости), второй – превращение человеческого познания в отчищенную от «субъективности» реальность (Иное). (Подробнее о противопоставлении Иное-Самость см. [10]). Одна линия названа наррадигмой, вторая – парадигмой.

Для парадигмы, как и для наррадигмы, я выделил пять фаз развития. Наверное, такое совпадение неслучайно. Я пытался сопоставить одну линию с другой и найти аналогии в движении

экспериментально- эмпирического и повествовательного рядов познания. Не могу исключить того, что при обдумывании фаз, имела место и полунамеренная «подгонка» парадигматических фаз под наррадигматические. Но пока речь идёт только о выдвижении гипотезы, при уточнении первоначальной модели эта симметричность, наверное, будет пропадать. Итак, фазы парадигмы таковы: эвристическая, магическая, философская, научная и астрорегуляции. Обсуждение ведётся преимущественно на материале Нового времени. Хотя моя цель – не описание хода европейского знания с позднего средневековья до XX в., а общая, науковедческая схема, я счёл, что её лучше вводить на связном и однородном материале, к тому же, известном большинству читателей по школьному курсу физики. Достаточно условная хронология фаз (не следует забывать, что речь идёт о первом представлении модели) такова: эвристическая фаза – XIV в.; магическая XV-XVI вв.; философская – с начала XVII в. по конец XVIII в.; научная – с начала XVII в. до конца XIX в. Фаза астрорегуляции намечается на самом пределе новоевропейской парадигмы.

Философская и научная фазы хронологически протекают параллельно, они всё время корректируют одна другую, вся история европейского знания – диалог философских обобщений и теоретико-эмпирических открытий науки. Однако, во-первых, логически философия предшествует науке. Во-вторых, предлагаемой схемой я не претендую охватить всю новоевропейскую науку, а пытаюсь проследить, как выковывался её парадигмальный стержень. Сциентизм европейской культуры последних трёх-четырёх веков имеет опору в небольшой группе физико-математических наук, постепенно, виток за витком, расширяясь на остальное естествознание и вне его. Каждый раз пионерские открытия консолидируются в современное производство знаний на подготовленной предварительной философской работой почве. Волнообразное движение частных парадигм от центра создаёт впечатление параллельного сосуществования философии и науки. Однако при рассмотрении отдельных парадигмальных линий оказывается, что в них соблюдается определённая последовательность фаз. Она, очевидно, повторяет в основных чертах последовательность созревания центральной, механико-математической парадигмы, внося поправки на специфику материала.

Передовое европейское знание Нового времени натуроцентрично, его идеал - математическое естествознание. Позволю себе ещё один образ. Планетарная система научных тел

удерживается вместе солнцем физико-математической научности. Для некоторых наук стандарт точного знания невыполним, даже приближение к нему означало бы их уничтожение. Однако речь идёт не об уподоблении периферийных тел светилу, а о некоем центростремительном тяготении в системе знания. Высокий стандарт научности Нового времени включает экспериментально-опытное получение фактов, их математическую верификацию и существование предмета исследования в виде гипотетических количественных моделей. Желательно обойтись без априорных содержательных определений изучаемого явления, предоставляя эмпирическим изысканиям очерчивать его круг. Это и есть ньютоновское «гипотез не измышляю» вместе с главным законом природы – тяготением, для которого вместо качественного определения дан порядок измерения; иначе говоря, перед нами – парадигматический центр знания Нового времени. Классическая механика, сформировавшаяся с выходом «Математических принципов натуральной философии» (1687), до конца XIX в. не теряет своего общенаучного приоритета, несмотря на усложнение архитектуры организованной мысли. В конце XVIII в. И. Кант устанавливает градацию наук, беря за точку отсчёта ньютоновское естествознание. Критическая философия показывает архитектуру научного разума, а также и его взаимоотношения со сферами, где действуют императивы свободы и вкуса – моралью и эстетикой. Этим философия завершает свою карьеру создателя гносеологического фундамента новоевропейского знания и переходит в фарватер ньютоновской парадигмы в качестве особой профессиональной дисциплины («наукоучения», «гносеологии», «теории познания») научной фазы ньютоновской парадигмы. Кантовская линия философствования теперь обслуживает нормальную исследовательскую практику (в понимании Куна), улучшая её категориальный аппарат и методологическое самосознание. Но это не относится к параллельным философиям, смыкающимся с науками более низкого, чем механико-математические, статуса; например, гегелевской, которая обслуживает историографию. Они располагаются за пределами центральной парадигмы Нового

времени, у них свои автономные линии, конечно, сопряжённые с направляющей европейской науки.

Итак, рубеж для «обратного отсчёта» новоевропейской парадигмы более или менее ясен. Что же касается начала движения от прошлого к указанному рубежу, то это – средневековая наука XIV века. Её центральная парадигма – аристотелевская. Это значит, что учёные ищут скрытые формы явлений то ли в самих явлениях, то ли в понятиях о явлениях (универсалиях). Иначе говоря, диспутируют о том, что сначала изучать – круг, белизну, кошку, лягушку или круглость, белость, котовость, лягушатность. Первые называются номиналистами, вторые – реалистами. Хотя те и другие – схоласты, именно в позднем номинализме можно видеть старт центральной новоевропейской парадигмы.

До сих пор распространена и привычка искать корни новоевропейских открытий в античности, отбрасывая средние века как непродуктивный, тёмный период. Она удерживается преимущественно благодаря научно-популярным изданиям. При более скрупулёзном изучении материала становится ясно, что разрывов между эпохами нет. Схоластическая физика, разумеется, не может породить из себя ньютоновскую, это принципиально несовместимые способы производства научных знаний. Они разделены фазами, которые, входя в парадигму, не подпадают под определение науки (схоластической, экспериментальной или другой).

Эвристической фазой парадигмы я называю начало парадигматического цикла, период продуктивных догадок и озарений в постановке познавательной проблемы, когда инструментальная и логико-теоретическая система её решения отсутствует.

Специалисты по эвристике учат стимулировать интеллектуальную активность, в т.ч. за счёт парадоксальных, нелогичных, фантастических допущений, и отбирать, закреплять, развивать перспективные варианты решения, чтобы путь между «нулевым» эвристическим состоянием и мыслительным продуктом сокращался. Познавательные озарения, знакомые каждому человеку, и начало европейской науки – явления разного порядка. Но они сходны в том, что характеризуются

интеллектуальной неопределённостью и бесосновностью. Принципиальное различие между двумя явлениями состоит в том, что интуитивное начало европейской науки вылилось в известные результаты, от которых историки науки и отправляются, а индивидуальные озарения большинства людей, как правило, угасают без последствий. Однако мы можем опустить этот фундаментальный момент, пока и когда рассуждаем о некоем общем рисунке опосредования опыта в состоянии эпистемологической неопределённости.

Да и не всегда обыденному мыслителю остаются только «изобретения велосипедов» и «открытия Америк»; бывают у него и оригинальные идеи. Они теряются для большой науки, поскольку открыватели забывают о них, пренебрегают записями, формулировками, распространением своих идей. Нет у обыденного познания и специальных инструментов, процедур для получения нового. Мало кто станет разрабатывать свои эвристики по правилам: формулировать гипотезу, подбирать факты для её проверки, искать объяснительную теорию. Кроме того, надо соответствовать корпоративным требованиям господствующей науки; у непрофессионалов, лишённых официального статуса и рискнувших заявить о себе, начинаются мытарства одиночек, дилетантов, а то и жертв познания. Организованное познание безжалостно отбрасывает домыслы «посторонних» и ведёт отобранное открытие по ступеням легитимации. Наилучшие шансы вырастить свои озарения до признанного открытия есть у людей, которые занимаются познанием по профессии и знают его технологию. Однако начало парадигмы – это открытие с чистого листа в том смысле, что ни познавательной технологией, ни сформулированными задачами, ни социальным статусом и психологической структурой исследователя этих задач новое направление познания ещё не располагает. Поэтому и можно сопоставить индивидуальные эвристики и начало европейской науки как движение знания от некоего нулевого, эвристического состояния. Разумеется, в действительности новое прорастает сквозь старое. Мне придётся пожертвовать здесь перипетиями становления ради характеристики фаз историко-логической последовательности парадигмы. Эта последовательность вычленяется

ретроспективно. Зная, что искать, мы можем отвлекаться от контекста и начинать с некоего «абсолютного начала». В качестве такой идеализированной точки и выступает эвристическое озарение, иначе говоря, аморфная проблемность без структуры задачи, членения на субъект, объект и средства познания. Период этой нерасчленённости я и называю эвристической фазой.

История открытия начинается случаем частного исследователя, демонстрирующего собой универсальную человеческую любознательность перед лицом непознанных загадок мира. В эвристическом состоянии мир и субъект ещё слиты в мыслительных процессах индивида. Творческие искания, с которого начинается открытие, есть первые движения от непосредственности к опосредованности в пространстве культуры мысли. Явственное разделение между индивидуальным и универсальным отсутствует, но творчество уже оставляет следы.

Эвристика – умственное озарение до «правильной» фиксации, и потому мыслителю приходится фиксироваться «неправильно», т.е. вне норм интеллигентности (умственной вразумительности), принятых в определённой культуре. Конечно, эвристические состояния более универсальны, чем правильное логическое рассуждение, но только в том смысле, в каком человеку привычнее видеть сны, чем изучать учёные трактаты. К всечеловеческому обыкновению иметь ночные видения надо ещё приложить их толкования, а они, как правило, весьма зыбки и локальны. Эвристические состояния – своего рода сновидения и грёзы мысли; новое носится перед умственным взглядом его открывателя в мимолётных образах. Пусть рисунки, самодельные значки, отрывочные фразы, наброски и всё остальное, во что выливаются первые озарения, и выглядят со стороны как невразумительная отсебятина, – они адекватны первой спецификации креативности в культуре мысли. Мысль ещё слишком самовита, самость инакова. Эти идеограммы, иероглифы – не наброски формул, таблиц, диаграмм, а мыслеобразы. Когда ум делает первый шаг к вразумительности, то его упражнения вычурны и по форме напоминают поэтические фантазии, шизофренический бред или мистические откровения. В этих иероглифах, идеограммах сложно разглядеть будущие формулы, чертежи, определения. Скорее – это запись особых состояний. Да и по содержанию перед нами мистика,

переживание слитности с миром, вставленная в образно-символическую рамку мыслительная целокупность человека. Эвристическая фаза парадигмы соответствует апокрифической фазе наррадигмы. И в самом деле, первые, символopodobные артефакты мысли плохо читаемы. В известной степени, апокриф – это эвристика, истолкованная как запись, а набросанные учёным каракули с точки зрения выраженности содержания есть апокриф. Один и тот же факт может быть помещён в разные оценочно-интерпретативные координаты. Я не хочу сказать, что при каком-либо толковании карандашные заметки Менделеева сойдут за поэтические замыслы, а клочки из пушкинского архива – за подготовку научного открытия. Мы-то знаем, кто есть кто. В жизненных линиях этих людей точка бифуркации, от которой начинается разделение на парадигму и наррадигму, поставлена до появления первых свидетельств творчества, ретроспективно. Она социально префиксирует известный культурный тип. Для случаев же обыденного творчества способ описания не предопределён известной репутацией личности и поэтому вариативен. Психологические интерпретации, тесты способностей, патопсихологические диагнозы предполагают социальную и культурную недоопределённость испытуемого. Художественный или мыслительный склад, образное или логическое мышление, шизоидность, истероидность и т.д. – это не только психологические характеристики, но и эскизы социокультурного профиля испытуемого. Хотя начала наррадигмы и парадигмы сближены до общей точки, векторы их движения указывают в разные стороны.

От индивидуальной эвристики перейду к организованному европейскому познанию. Его исторический дебют – переходное от мифологии к философии мышление доклассической Эллады (т.е. до V-IV вв. до н.э.) В нём мы найдём россыпь намёков на почти все основные доктрины позднейшей науки в форме отрывочных речений и фантазий. В известной степени и вся античность – эвристическая фаза европейского познания. Но это – если мы попытаемся обобщить его развитие за более чем 2,5 тысячи лет в качестве единой парадигмы. Если же брать основную парадигму Нового времени – классическое математическое естествознание – то здесь период начальных

озарений без адекватной инструментальной и логико-теоретической основы – XIV век. Тогда среди поздних схоластов, оксфордских и парижских номиналистов, появляются идеи, на которые спустя два-три века будет опираться естествознание. Таково, в частности, понятие импетуса (impetus) Ж. Буридана. Иначе говоря, толчка, под действием которого тело движется, пока сопротивление не превысит исходный импульс. Это динамическое представление чуждо духу и букве аристотелевской физике, читавшейся тогда в университетах. Следуя Аристотелю, средневековые учёные разделяли предметы на те, которые могут приводить себя в движение сами и те, которые движутся под внешним воздействием; к первому классу относились живые тела, ко второму – неодушевлённая природа. Природные предметы без души движутся только, если их кто-либо или что-либо толкает, например, воздух. Разделение имело иерархический и качественный характер, поскольку физические предметы относились к низшему миру по сущности, у них отсутствовала прерогатива собственного движения, данная Творцом более высокому одушевлённому миру. Динамика парижских номиналистов выпадала из объяснительных средств тогдашней физики, статичной и качественной. Она не соответствовала ни господствовавшей картине мира, ни принятому аппарату исследований. Хотя продолжатель Буридана Николай Орем и пытался использовать прямоугольные координаты для представления падения тела, этот приём выглядит слишком вычурным, своеобразным и частным на фоне правильных схоластических умозрений о качествах и сущностях. Когда же новые физические интуиции переводились на язык «качественной» математики того времени, как делала группа из Мёртоновского колледжа, то получалось нечто невразумительное. «Именно отсутствие геометрических представлений таких «движений», как потемнение, похолодание, сгущение и т.п., заставляло мёртоновцев ограничиваться своим арифметическо-алгебраическим методом для исчисления «широты» соответствующих качеств. А это в свою очередь создавало тот головоломный аппарат, который развит в их сочинениях и на темноту которого жалуются все исследователи» [2, с. 134-135].

Математика того времени не могла ничего дать для решения динамических задач, она занималась улавливанием духовных сущностей, архетипических фигур. «Здесь дело шло о непосредственном присутствии духовного мира, и в чистейшей символической численности адепт интуитивно общался с сущностями до и вне их данности в «явлениях»; математика во всём объёме своих семантических перспектив оттого и равнялась знанию как таковому, не тронутому ещё распадом спецификации, что представляла собою исключительный род науки посвящения не во что-то либо «одно» или что-то либо «другое», а сразу во «всё»; её авторитетность вытекала не из мнений, а из самой природы вещей» [7, с. 42]. Эта качественная математика будет элиминирована из круга вычислительных наук ко второй половине XVII в.

Идеи, близко напоминающие европейское естествознание Галилея и Ньютона, носятся в воздухе университетов XIV в., но попытки их сформулировать терпят фиаско. Новый предмет познания нельзя было выразить ни в комментариях к Аристотелю, ни в решении частных практических проблем. Это и вызывает сомнение в том, чем же занимались провозвестники новоевропейской науки – старыми спорами о сущностях в несколько модифицированном виде или нащупыванием ключевых категорий будущей физики. Кажется, «что и «калькуляторы», и Орем не столько «зарождали» понятие новой науки, сколько пытались в совершенно новых условиях и с совершенно новым смыслом использовать античное понятие формы как формы скрытых субстанциальных качеств» [1, с. 135].

Переход от средневековой системы научного познания (аристотелевской парадигмы) к новоевропейской системе (ньютоновской парадигме) означает такую кардинальную смену всех познавательных средств и условий, которая позволяет вместо выведения субстанциальных форм умозрительных предметов заняться экспериментальным конструированием мира. Как выражается Р. Рорти, «гилеморфная эпистемология, которая рассматривает постижение универсалий конкретизированным проявлением в разуме человека того, что конкретизируется лягушкой в её живом теле, благодаря подъёму математической физики была заменена структурой законопорядка (law-event), которая объясняла лягушачность как просто номинальную сущность» [6, с. 46]. Нельзя недооценивать трудность такого перехода. Закон-событие (law-event), о котором пишет американский философ, создаётся не просто рассуждением, а

манипуляциями с инструментами и счислениям. «Гилеморфная эпистемология» аристотелизма равна чему-то вроде мыслительно-спекулятивного проращивания из материи мира заложенных в ней Творцом энергийно-смысловых форм. Средневековый учёный сочетает логическую скрупулёзность в определении схоластических родов и видов с молитвенным восхищением перед заложенной Богом первоструктурой мира. Субъект познания нейтрализуется в нём верующим. Исследователь же новой науки в своих действиях связан только правилами экспериментально-математической процедуры и корректностью их приложения к теории. Прямо перейти от аристотелевски конфигурированного исследования к ньютоновскому невозможно. Надо ещё вывести религиозно-онтологическое подчинение исследователя-субъекта подлинному Субъекту мира за пределы исследовательской процедуры. Понятие науки и парадигмы придётся разделить. Ньютоновская парадигма сменяет аристотелевскую парадигму, но аристотелевская наука прямо не соприкасается с ньютоновской: между ними несколько парадигмальных фаз, которые, собственно, не подпадают под определение науки как исследовательской системы. Внутри науки средневековья «физиики» и «калькуляторы» XIV в. являются поздними схоластами, дающие сущностям-формам несколько необычные, арифметико-геометрические спецификации. Внутри же парадигмы Нового времени они – авторы перспективных физических идей, оставшихся в их время без воплощения из-за отсутствия языка, инструментов, кадров, социального заказа и других условий современной новоевропейской науки.

Между наукой средневековья и наукой Нового времени происходит превращение схоласта, использующего свои мыслительно-созерцательные способности в качестве творения и раба Божьего, в субъекта-исследователя, свободного от религиозно-онтологических забот, но обязанного быть корректным в лабораторных процедурах и обосновании гипотез. Это происходит не сразу. В следующей фазе автономия познания растёт за счёт наделения мыслителя некоторыми прерогативами Творца. Это ставит его самооценку, социальную меру сил и возможностей человеческого познания на грань адекватности. Данную фазу уместно назвать магической.

Магическая фаза парадигмы. Шаг от эвристики к магии означает появление действенно-волевого опосредования. Познающий человек делает усилие для того, чтобы явить Иное. Две стороны парадигматического отношения соединяются амбивалентно. Образы эвристики выводятся в телесно-двигательную активность. В самом простом виде открыватель, чтобы уловить посетившее его озарение, «исполняет» его каскадом психофизических действий. Под представление инореальности используется ближайший инструментарий – тело. Судорожные и причудливые движения, мышечное напряжение, даже конвульсии – таков внешний рисунок умственной борьбы за овладение смутными намёками мира. В современном познании они замаскированы под странности и чудачества творческих личностей. У ребёнка выразительные телодвижения, манипуляции, самодельные слова-жесты, речения заклинательного свойства – обязательные атрибуты интеллектуального развития, иногда понимаемые как онтогенетическое воспроизводство первобытной магии. Что же касается древних колдунов, то у них интеллектуальная задача представления внешней реальности подручными средствами развёрнута в сложных рецептах с многочисленными ингредиентами и аксессуарами. Маг блокирует своё индивидуальное рефлексивное Я, действуя в высшей степени активно, целенаправленно, индивидуалистично. Его психофизическое существо – инструмент и площадка для явления Иного, которое в эвристической фазе синкретически слито с Самостью. Сказав «явить Иное», я принял оксюморонную подсказку языка. Фраза говорит, что Я – средство Иного, что мои усилия только воспроизводят реальность в некоторыми психофизиологических движениях и предметных действиях. Приму, что магия имеет две подфазы: эзотерическую и экзотерическую. На первой стадии магические манипуляции окутаны тайной и непонятны, на второй – уже открыты для обсуждения.

Магическая фаза новоевропейской парадигма (XV-XVI вв.) хронологически и содержательно совпадает с Ренессансом. «Чтобы адекватно оценить значение темы магии на заре культуры Нового времени, следует прежде всего иметь в виду, что она, будучи распространённым мотивом и в эпоху средневековья, теперь

выходит из подполья культуры и, приняв новый вид, становится общей для всех великих мыслителей и учёных, которыми она как бы освящается» [3, с. 332].

В истории европейской науки зияет пробел. Это - перерыв в развитии физико-математической мысли между XIV и XVII веками. Речь идёт о судьбе позднего номинализма. Это течение высокой схоластики в первые две трети XIV века предугадало важнейшие идеи математического естествознания Нового времени. Галилей и Кеплер начали с того, чем закончили Буридан и Орем. Фрэнсис Бэкон провозгласил начало экспериментальной науки более чем через 300 лет после того, как это сделал его соотечественник и однофамилец Роджер Бэкон. В чём же причина потери 2-3х веков? Почему опытная европейская наука возникла всё-таки в XVII, а не в XV веке? От позднего номинализма невозможно отмахнуться ссылкой на античные истоки новоевропейского естествознания. Античные знания можно принимать за общую предпосылку новоевропейской науки. А в конкретном историческом изучении XVII век следует за XVI, а не за IV до н.э. Античные идеи Новому времени не с неба упали, а были переданы средневековьем. Может быть, дело в опустошениях Столетней войны, в чуме 1349-50гг.? Но мирных окон в Европе наперечёт, и почему тогда расцвет Высокого Ренессанса состоялся на фоне Итальянских войн и ужасающего разгрома Рима в 1527г.? Да и начало европейского естествознания приходится на очень скверное время – Тридцатилетнюю войну. Я пробую ответить на этот вопрос не как историк естествознания, а на основе предлагаемой здесь историко-психологической эпистемологии.

Привычная последовательность «средневековая схоластика – знание Ренессанса – естествознание Нового времени» мало что разъясняет, даже с уточнением средневековых вкраплений в идеях Коперника, Галилея, Кеплера. По своим идеям механика начала XVII века ближе к парижским оккамистам, чем к Высокому Ренессансу. И отчищаться новой науке приходится не от строгой логики схоластов, чрезвычайно современного принципа экономии мышления и вполне подготовленной теории эксперимента, а от того, что называется передовыми идеями Ренессанса. Во всяком случае, от некоторых из этих передовых идей. Ренессанс на самом деле неоднороден. Он состоит из хиреющего аристотелизма, т.е. средневековой схоластики, и ренессансной «новинки» – неоплатонизма XV-XVI вв. Эта новинка заключается в антропоцентризме, возвеличивании

человека. Споры нет, это очень полезно для науки, т.к. раскрепощает человеческую предприимчивость, следовательно, помогает отыскивать доказательства для эвристик позднего средневековья. Научных открытий гуманистами сделано не так и много. То возобновление древнегреческих идей, которое мы им приписываем, относится преимущественно к искусству и литературе, а главные естественнонаучные идеи греков были известны противникам гуманистов – средневековым схоластам. Итак, новых научных идей у гуманистов – наперечёт, но они возвеличивали человека, его фантазии, поколебали логическую дисциплину, очень сильную в поздней схоластике. Они же ввели в широкий обиход учёной культуры магию. Именно увлечения гуманистов, из которых пышным цветом расцвели оккультные искусства, надолго задвинули сложные идеи парижских и оксфордских учёных на второй план европейского интеллектуального ландшафта. Столица европейской науки переехала из Парижа во Флоренцию. А там при дворе Медичи царил Марсилио Фичино – переводчик Платона, Гермеса Трисмегиста, создатель завораживающего «Платоновского богословия», которое, по свидетельству специалистов, с христианской средневековой учёностью и вообще с христианством имело мало общего. Куда там силлогизмам сорбонских и оксфордских профессоров до фейерверка из священных тайн египетских жрецов, еврейских каббалистов и эллинских мистагогов! К тому же, эти вспышки освещают галерею нового итальянского искусства. Понадобилась метла протестантизма, свирепая работа контрреформации, грамматико-математические школы иезуитов, чтобы расчистить на этом чудесном карнавале местечко для более прозаических научных занятий. Фантастические и горячие головы, вроде мученика оккультной науки Джордано Бруно, для них не годились.

Вводя магическую фазу парадигмы, мы устраним почти трехвековой разрыв между физическими идеями номиналистов и галилеевской механикой, который обычно с трудом объясним. «Будь книгопечатание изобретено двумя веками раньше, доктрина импетуса намного ускорила бы общее развитие истории науки и ей не пришлось бы столь долго ждать, чтобы перейти от Жана Буридана к Галилею», - предполагает Свасьян [7, с. 44].

Но книгопечатание само по себе мало что объясняет. Объясняет культурное влияние Ренессанса. А Ренессанс, как было сказано выше, принёс неслыханную моду на магию в учёных кругах.

Во всплеске самых причудливых суеверий всегда видели странную аберрацию, зигзаг в поступательном развитии науки, пятно на славной репутации Возрождения. На мой взгляд, аберрации и зигзага нет, а есть выбор языка для записи Иного и поиска метода для его изучения. То, что казалось подходящим – было уже занято: язык – искусством, а метод – магией. Последняя как приём овладения внешним миром путём его мимицирования передаёт суть парадигматического этапа. То, что принято называть магией, есть воздействие на предмет, совмещённое с показом это воздействия. Разделить манипулятивный и миметически-изобразительный компоненты архаического квазидействия невозможно. Слитность вытекает из самой «концепции» магии: для того, чтобы подействовать на что – то надо это что-то иметь перед собой. Хотя бы волос, слюну, ноготь, клочок одежды по принципу *pars pro toto* (часть представляет целое) или изображение, фигурку по принципу подобия. Магия придумана телесной культурой для того, чтобы телесно и конкретно достать то, что вне контакта. Без подтверждения наличествования не обойтись. И хотя изобразительная коннотация, конечно, не является самоцелью и вплетена в действие, она может достичь достаточной степени разработанности и даже автономии, проецируясь или на плоскость художественного описания, или на плоскость познания. В первом случае появляются рассказы про магию, во втором – инвентарь секретных приёмов, тайноведение. Иногда – «почти наука», только законспирированная. Изобразительно-миметический коннотат тяготеет в этом случае к магическому концепту, к реальности, затянутой покрывалом Изиды. Уже в архаической этимологии скрыта эта потенция тайного искусства. Так, древнерусская лексическая группа «обавити», «обавление», «обавляти» имеет два устойчивых значения: 1) колдовать; 2) делать видимым, показывать, объявлять (Словарь, 12, 8). Значения смежны, слова образованы присоединением префикса «об» в значении пространственного сближения (в т.ч. замыкательного, охватывающего; одно из архаичных значений «об» – двигаться по кругу) к основе «а(я)вити» - показывать. За

архаичным словоупотреблением угадывается слепок действия, как бы замыкающего добычу магическим кругом. Но этим же действием добыча создаётся, является. Можно предположить, что чем дальше в глубь истории – тем больше всякого показывания, а выявление имеет магически-действенный оттенок. Маг сначала приказывал предмету своих воздействий явиться. Он его к этому вынуждает с помощью некоторых ручных действий. Предмет вызван, схвачен и подвергнут дальнейшему воздействию. Если манипуляции притормозить на первой фазе, то появится возможность для изучения явленного. Колдовское «обавление» предмета производится, разумеется, не ради исследовательского интереса. Однако нельзя недооценивать инерцию и самодостаточность технических моментов тайного искусства и всё возрастающую его специализированность. Если довести историческую траекторию тайнодействия до Ренессанса и Нового времени, то мы увидим, что предмет вызывают уже не ради его изменения, а наоборот, чтобы изучить, каков он есть сам по себе. Техническая операция соскользнула на цель. Но первым учёным нелегко доказать такую незаинтересованность их манипуляций. Вся магическая фаза парадигмы и представляет собой обоснование исследовательского момента магии, постоянно соблазняемое практической первоцелью тайноведения. В Новое время техническая операция подготовки и проведения эксперимента уже твёрдо отделена от мотивов учёного, которые могут быть весьма экзотичными. «Объявление» предмета обставлено условиями, важнейшие из которых - публичность, воспроизводимость, проверяемость, спектакулярность. Они потеряли индивидуализированность и стали общедоступными. Предмет должен быть представлен в наилучшей оптике, доступной всякому, кто захочет проверить выводы исследователя. В древней же магии этот момент затемнён и максимально скрыт.

В магии первична закрытость. Поэтому в древнерусском «объявлении» подчёркивается момент манипуляции, отсутствующий в современном слове. У древнерусского «объявление» масса значений. В т.ч. с оттенком предметного действия – открыть, достать; также: зрительное объявление - явление, сделанное человеком; отсюда объявление комедий, спектакль [8, с. 204]; юридическое доказательство («другого объявления вины не искать, а сразу

казнить», [там же]). Из этого семантического пучка под влиянием книжности выбрано устное чтение (оглашение) документа, а под влиянием учёности – явление как наличная объективная картина чего-то, удостоверяемая исследованием.

Ренессанс даёт нам картину движения от магической эзотерики к экзотерике. Вышедшая из подполья культуры в эпоху Ренессанс магия начинает распространяться и посредством вполне легальных учений и книг. В XV в. мироздание представляется образованными людьми по тайным книгам «Поймандр», в соответствии с Гермесом Трисмегистом. Ближе к началу XVII в. магия мыслится как практическое занятие и даёт обоснование науки под бэконовским девизом «Знание - сила». Экспериментальная наука начинается под названием натуральной магии. Наряду с приемами познания природы, она излагает способы овладения сверхъестественной силой духов.

Магическая фаза европейской парадигмы Нового времени не равна распространению магии в доистории, когда тайноведение действительно универсально и занимает роль, отводимую в современности науке и технико-инженерной практике. В средние века признанная (парадигмальная) наука - это комментаторские изыскания в Библии и античных трудах Платона и Аристотеля. Магия сохраняется как культурный андеграунд, солидный противовес официальной книжности, поскольку имеется ещё не тронутый пласт народной мифо-магической хтоники. Последняя поддерживает народных магов, прорицателей, целителей (гонения на них до XV-XVI вв. – эпизодические, не массовые), но также и ту фракцию учёной культуры, которая отклоняется от ортодоксальных штудий. Учёных чернокнижников народная магия поддерживает непрямо - те всё-таки книжники, толкователи текстов, не принятых в антично-библейский канон. Все магические практики – и первобытные, дописьменные, и книжные – сродственны на фоне преобладания телесно-мускульной силы в домашнем, доиндустриальном производстве. Однако они культурно дифференцированы по отношению к главной информационной технологии – дотипографской письменности. Народная магия к письменности первоначально никакого отношения не имеет, она – в лоне культуры тела. Чернокнижие же – маргинальный слой книжности на границе с телесно-манипулятивной практикой шаманов, волхвов и чародеев. Алхимия, астрология – гибриды, уравнивающие приёмы непосредственного воздействия с книжно-символической интерпретацией. Возрождение даёт толчок быстрой книжной трансформации магизма. Это эпоха, когда типографии и растущая грамотность продвигают книжность в народ.

Книжное просвещение вместе со своей спутницей - цензурой (в т.ч. инквизиционной, которая сжигает на одних кострах неправильные книги, их авторов и читателей) быстро превращают примитивную, хтоническую магию в паллиатив книжной культуры. Люди из народа излагают следователям инквизиции версии чернокнижных писаний. Но учёное чернокнижие – также в состоянии решающей перестройки. С одной стороны, Ренессанс повышает котировки учёных специалистов по магии. Демонолог, астролог, алхимик, врач-заклинатель – моднейшие и необходимые профессии эпохи. Оккультная революция XV-XVI веков приносит читающей публике магический канон – корпус Гермеса Трисмегиста. Он, подпёртый платоновским фичинизмом, на какое-то время становится для части учёной элиты рядом с библейско-аристотелевским каноном и вытесняет схоластическую науку на периферию знания. Однако магия не восстанавливается в качестве универсального мироздания. Наоборот, в этом качестве она терпит решающее поражение. Магия XV-XVI вв. – это просто фаза в развитии парадигмального знания Нового времени, где главную роль будет играть рационально-эмпирическое познание природы. Экзотеризм Ренессанса позволяет втянуть природоведческие интуиции поздней схоластики в лоно идеологии преобразования мира (которая необходимо носит магическую, демиургическую окраску) и встретить их с операциями опытной науки.

Магия воссоздана Возрождением в паре с антропоцентризмом, т.к. маг – это демиург, берущий часть прерогатив у Бога. В средние века указанная тенденция была ограничена теоцентризмом. Когда человек пробует сам командовать природой, то сначала он становится не исследователем, а человекобогом. Эту коллизию можно подвергнуть рефлексии, с чем связано появление категориальной пары субъект-объект. Однако гносеологическое (философское) отношение становится ясным по мере того, как в самой исследовательской деятельности происходят решающие изменения. А это, собственно, есть линия науки. Средневековая наука о неподвижном мире с неподвижной Землёй и неподвижной иерархией сущностей, обрекала учение о движении на положение самой инертной и несвоевременной части аристотелизма. Озарения поздних номиналистов мерцают внутри доктрины неизменных форм, во-первых, благодаря подвёрстыванию движения в разряд качественных сущностей, а во-вторых, и благодаря вполне практическим (ремесленным) подсчётам. Оккультная мысль Ренессанса превращала движение в силу магического плана, она имела мало отношения к

теоретической механике. Однако в это время шло важное в идеологическом отношении размежевание на магию ложную и магию истинную. Сомнительный с точки зрения эмпирической науки спор имел значение, едва ли не превосходящее конкретные открытия Ренессанса, т.к. он оговаривал аксиологический статус исследовательской науки. Обрядовая магия – ложная, дьявольская. Истинная магия – натуральная. Натуральная магия и есть первое название экспериментальной науки. Если человек пытается возвыситься до божественной сущности и создаёт прекрасные предметы, то это – богоугодное занятие, даже если пользоваться для этого таинственными заклинаниями и сотрудничать с духами. Надо только не сотрудничать с богопротивными духами и не служить злу. Границы доброго и злого в магии, разумеется, зыбки. И разделение сфер доброго и греховного всегда проблематично, пока ведётся в виду тайноделания, пока не выходит из тени таинственных практик на свет публичности и понимания. Обсуждение тайноведения, переход от эзотерической, заклинательной магии к эзотерике её публичных рассмотрений – уже прогресс, Окончательное расколдовывание мира произойдёт только с появлением рациональной, доступной и полностью объяснимой науки. Пока же и подлинные учёные предпочитают пребывать одной ногой в рациональном знании, а другой – в мире таинственных духов.

(Окончание следует)

Литература

1. Александров Ю.И. О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии, 2006, №5, с. 154-158.
2. Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента (от античности до XVII в). М., «Наука», 1976.
3. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. Пер. с итал., М., «Прогресс», 1986.
4. Гусельцева М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии, 2006, №5, с. Вопросы психологии, 2006, №5, 3-18.
5. Кун Т. Структура научных революций. М., «Наука», 1977.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, изд-во НГУ, 1997.
7. Свасьян К.А. Судьба математики в истории познания Нового времени // Вопросы философии, 1989, № 12, 41-54.

8. Словарь русского языка XI- XVII вв., М., «Наука», 1987, вып.12.
9. Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 1ое, «Город N», Ростов-на-Дону, 1994.
10. Шкуратов В.А. Рассказывать и нормировать (горизонты свободы в нарративе) //Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия, 2002, №1, 10-36.
11. Юревич А.В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник //Вопросы психологии, 2005, №2, с. 147-151.
12. Madsen K.B. A History of Psychology in Metascientific Perspective. Amsterdam – N.Y. a.o., 1988.